

Юрина Марина Анатольевна

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Т. З. СЁМУШКИНА "АЛИТЕТ УХОДИТ В ГОРЫ"

В статье анализируются образы отрицательных персонажей романа Т. З. Сёмушкина "Алитет уходит в горы", художественное своеобразие которых почти не изучено в современном литературоведении. Рассматривается вопрос о прототипичности образа Алитета, соотношении в нём реалистического и романтического начал. Впервые при анализе ключевых отрицательных фигур произведения показано значение литературной традиции, сюжетных и композиционных элементов, художественной детали. Делается вывод о художественной выразительности образов отрицательных героев романа, обусловивших его поэтическую самобытность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/10/29.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (112). С. 103-106. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

9. Чапек К. Р.У.Р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/SOCFANT/CHAPEK/rur.txt> (дата обращения: 16.10.2016).
10. Шестакова И. Г. Технологии инфокоммуникаций: проблемы адаптации человека // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (106). С. 144-146.
11. Шестакова И. Г. Человек и социум в новой реальности инфокоммуникационного мира / Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». СПб., 2015. 147 с.
12. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
13. Dornahl L. Forget Asimov's Three Laws, the U.K. Issues Official Ethics Guidance on Robots [Электронный ресурс]. URL: <http://www.digitaltrends.com/computing/bsi-robot-ethics-guidelines/> (дата обращения: 16.10.2016).
14. Olah C. Bringing Precision to the AI Safety Discussion [Электронный ресурс]. URL: <https://research.googleblog.com/2016/06/bringing-precision-to-ai-safety.html> (дата обращения: 16.10.2016).
15. Tester E. Человек и робот [Электронный ресурс]. URL: http://www.kontinent.org/article_rus_47a39d7b16edc.html (дата обращения: 16.10.2016).

PRICE OF PROGRESS: DO ROBOTS NEED A BIBLE?

Shestakova Irina Grigor'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg Mining University
Irina_Shestakova@inbox.ru

Throughout all the history of the mankind development of science and technology has been accompanied by the idea of anthropogenic catastrophe. Emergence of tools allowing implementing fantasies about robots contributed to the renaissance of this topic in the XX century. Explosive development of cybernetics and the possibility of giving robots not just mind, but will to independent decisions and actions made this theme one of the most urgent. If you lay the principle of evolutionary selection into robotics, like Darwin's theory of species' origin, appearance of new evolution is theoretically possible. In that case, is it permissible and necessary to engage in creating a Bible for the world of robots – machine ethics for superintelligence? This question is highly topical in the XXI century.

Key words and phrases: scientific and technical progress; anthropogenic catastrophe; robots and human being; revolt of machines; three laws of robotics; Isaac Asimov; Wiener; artificial intelligence; ethics.

УДК 82(091)

Филологические науки

В статье анализируются образы отрицательных персонажей романа Т. З. Сёмушкина «Алитет уходит в горы», художественное своеобразие которых почти не изучено в современном литературоведении. Рассматривается вопрос о прототипичности образа Алитета, соотношении в нём реалистического и романтического начал. Впервые при анализе ключевых отрицательных фигур произведения показано значение литературной традиции, сюжетных и композиционных элементов, художественной детали. Делается вывод о художественной выразительности образов отрицательных героев романа, обусловивших его поэтическую самобытность.

Ключевые слова и фразы: художественная структура; прототип; документальный источник; образная структура; отрицательный тип; приём зоологизации; интерьер; антитеза.

Юрина Марина Анатольевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
frigg@maglan.ru

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Т. З. СЁМУШКИНА «АЛИТЕТ УХОДИТ В ГОРЫ»

Роман Т. Сёмушкина «Алитет уходит в горы» (1946-1948) по праву считается одним из самых значительных произведений об исторических преобразованиях Чукотки. Книга северного прозаика оказалась в своё время в центре внимания виднейших литераторов и критиков: В. Солоухина [5, с. 520], Ю. Рытхэу [3, с. 94-103], К. Зелинского [2, с. 507-508], Ю. Шпрыгова [7, с. 25-34], Л. Якимовой [8, с. 176-185] и других. Все они оценивали роман преимущественно с точки зрения его содержания, при этом чаще всего фрагментарно или обзорно. Многостороннему, комплексному анализу произведение так и не было подвергнуто. Тем более это касается его художественной структуры, на которую мало кто обращал внимание, предпочитая делать акцент на идеологически актуальной в советское время проблеме социалистических преобразований Чукотки. Между тем, произведение Т. Сёмушкина в наше время интересно не столько уже перешедшей в традицию тематической составляющей, сколько своеобразием поэтики. В этом контексте актуальным представляется анализ образной структуры романа. На наш взгляд, наиболее удачными с художественной точки зрения явились образы отрицательных героев.

Ключевой в этом отношении видится фигура Алитета. Богатого чукчу-торговца трудно назвать главным героем произведения: непосредственно ему посвящено чуть более трети романа. Однако его образ – один из наиболее ярких и тщательно проработанных автором. Алитет, наряду с Томпсоном, учителем Дворкиным, – персонаж, имеющий в своей основе реального прототипа. Опираясь на этот факт, многие исследователи

утверждали, что образ данного героя максимально приближен к реальному историческому лицу, достоверен и правдив. По словам Ю. Шпрыгова, например, «единство жизненной и художественной правды и определило... силу, убедительность и реалистичность» [7, с. 28] образа Алитета.

И действительно, при сопоставлении документальных свидетельств со страницами романа мы можем убедиться в определённой связи этих источников и даже, порой, идентичности. Безусловное совпадение с реальностью, в частности, наблюдается в характеристике Алитета как хитрого торговца, «чукотского мироеда» [1, с. 11-112], обманывающего своих соплеменников, в описании его богатства и власти. Т. Сёмушкин подчёркивает и то, что «хозяина земли» все боялись, и пред этим страхом не могли устоять даже самые непокорные герои, такие как Ваамчо или Тыгрена. С подобной характеристикой персонажа мы сталкиваемся и в книге Н. Галкина, и в документальном очерке К. Хакимова «Конец Алитета», где автор конкретными примерами подтверждает вероломство торговца: «Алитет оценивал песка в четыреста граммов сахара. Хочешь плитку чая – неси песка. Пожелал плитку табаку – тоже давай песка... Охотники были доведены до отчаяния, но кому пожалуешься, когда Алитета все боялись» [6, с. 3].

В воспоминаниях современников, в частности, А. С. Сульженко, говорится и о необыкновенной жестокости богатого чукчи: «Алитет не знал, что такое чувство сострадания или жалости к ближнему – жажда обогащения не останавливала его ни пред чем» [Цит. по: Там же]. В романе Т. Сёмушкина жестокость «мироеда» поистине не знает границ: Алитет не испытывает милосердия ни к верно служащим ему собакам, ни к соплеменникам, ни к своим жёнам, находящимся на положении рабынь, ни даже к собственному сыну, которого убивает ради того, чтобы «мальчик унёс его болезнь». «Алитет задушил мальчика и поправился», – вспоминает его старшая жена Наргинаут [4, с. 49]. Как документальные источники, так и автор романа показывают необыкновенный эгоизм, лживость, хитрость, изворотливость героя, умевшего приспособиться к любым жизненным обстоятельствам.

Связь исторических источников и произведения прослеживается даже на художественном уровне, например, в показе внешности Алитета. Так, в документальной книге Н. Галкина «В земле полуночного солнца» даётся следующий портрет богатого чукчи: «Массивная широкоплечая фигура, на короткой шее крупная голова с большим выпуклым лбом. Хитрый, умный взгляд, характерный резко очерченный рот и подбородок говорят о большой воле, энергии» [1, с. 111]. Т. Сёмушкин при описании Алитета как бы вторит Н. Галкину, отмечая такие характерные черты героя как «широкая грудь, крепкая шея и развитые мускулистые руки», показывающие его «необыкновенную силу» [4, с. 15]. О «сильно развитой шее» персонажа говорится и в ещё одном его портрете, данном в самом начале произведения [Там же, с. 11].

Однако, несмотря на верность писателя документальным свидетельствам, образ Алитета в романе представляет нечто большее, чем простой слепок с натуры. Тот же Ю. М. Шпрыгов, говоря о прототипичности героя, отмечает и то, что его образ «создавался как обобщённый и типический» [7, с. 28]. О достоверности и типичности таких персонажей, как Алитет, социальной обусловленности их появления пишет и Л. П. Якимова, отмечая, что этому способствовало имущественное расслоение чукчей и неизбежное влияние капиталистско-хищников с Большой земли: «Природные данные Алитета в условиях сохранения общественной изолированности чукчей могли бы обеспечить ему признательность, авторитет, уважение. Но экономическая власть над сородичами...» пришла «лишь тогда, когда стал возможен деловой контакт с американцами...» [8, с. 178].

Соглашаясь с утверждением исследователей о достоверности, исторической и психологической правдивости образа Алитета, его типичности, всё же, думается, необходимо признать и тот факт, что характер героя не только реалистичен, но и несколько романтизирован. Прежде всего, писатель сосредоточивает в образе «мироеда», казалось бы, все отрицательные черты, что делает его однолинейным – перед нами почти классический романтический злодей с его поистине гипертрофированной властью и жестокостью. К тому же перед нами образ статический, не изменяющийся. К концу повествования Алитет сохраняет все свои отрицательные качества: перед опасностью утонуть в морской пучине он заботится больше о сохранности своих богатств, нежели о помогающих ему бежать соплеменниках, из которых спаслись лишь единицы. Финал романа остаётся открытым: читателю остаётся догадываться о дальнейшей судьбе сбежавшего из стойбища Алитета. Однако и в последней сцене этот герой проявляет мстительность и жадность, уничтожив награбленное, чтобы оно не досталось людям.

Уже в начале книги образ Алитета окружён романтическим ореолом: это – незаурядная личность, исключительная и по уровню влияния на окружающих, и по концентрации негативных качеств. Сила характера, власть и уверенность подчёркиваются и в портретных описаниях этого прирождённого лидера: «Лицо и даже вся коренастая фигура Алитета выражали силу, упрямство, жестокость» [4, с. 11]. Романтическую окраску придаёт персонажу его известность, своего рода легендарность: «Он был “хозяином земли” – хозяином стойбища, и люди привыкли беспрекословно подчиняться ему. О силе и могуществе Алитета говорили по всему побережью. Известность его проникала и в глубь тундры, где жили кочевники-оленоводы – чаучу» [Там же, с. 14].

Начальственность и горделивость героя в полной мере проявляются уже в первой сцене романа – на охоте «Алитет сам сидел у мотора и с важностью посматривал вдаль», он «первым заметил моржей», затем «напряжённо следил» за ними и наконец «прошипел» охотникам команду и «заорал» от восторга перед первой добычей [Там же, с. 9-10]. В следующем за сценой охоты эпизоде «Алитет торжествуя засмеялся, оскалив белые прочные зубы», «зло посмотрел вслед старику», неуважительно отозвавшегося о торговце Томпсоне Ваалу, «плюнул на снег» [Там же, с. 13] и т.п. Глагольный ряд, мастерски выстроенный автором, способствует созданию живого, энергичного образа.

По мере продвижения сюжета облик Алитета приобретает всё большую выпуклость, пластичность, становится всё более реалистичным, способы его создания всё больше ассоциируются с традициями русской классической литературы, особенно средствами типизации у Гоголя, представленными в знаменитых «Мёртвых

душах». Так, «бегающие в узких щёлках» [Там же, с. 11, 13], «злые» глаза Алитета, «беспокойно» юркий взгляд врага новой власти Саблера ассоциируются с «бегающими» глазками гоголевского Плюшкина. Активно используется в романе и гоголевский приём зоологизации. Уже на первых страницах романа Алитет сравнивается с хищником («Глаза Алитета сверкнули, как у хищника» [Там же, с. 7]). Далее это сравнение в романе многократно обыгрывается и усиливается: при мысли о наживе глаза «хозяина земли» «светились жадным звериным блеском» (133), его называют «волком» Тыгрена и Ваамчо [Там же, с. 102], и даже сам Алитет порой ассоциирует себя с хищником: «“Но когда в тундре песец найдёт кусок мяса, разве пробегающий волк не отнимет его? Ему и не надо отнимать. Песец сам убежит, как только приблизится волк”, – думал Алитет, глядя на жениха Тыгрены Айе, перед тем, как отобрать у него невесту» [Там же, с. 47].

Приём зоологизации Т. Сёмушкин применяет и в сатирических характеристиках других отрицательных персонажей. Так, сравнивается с хищным зверем и спекулянт-мореплавател м-р Браун: «Больной от дурного обеда, он раздражённо оглядывал пушнину, напоминая хищника, щёлкающего зубами около поживы, которую не очень-то просто взять» [Там же, с. 142]. Саблер – с одной стороны, «маленький человечек с птичьим лицом», с другой – «во всей его фигурке» чувствуется «что-то настороженно-звериное» [Там же, с. 323]. Подобен животному и халатно относящийся к обязанностям начальника фактории Жохов: он «был сильно похож на моржа: у него и брюхо было такое же толстое, и усы торчали так же, и рычал он, как морж» [Там же, с. 315-316].

Важнейшим приёмом типизации некоторых отрицательных персонажей в романе является описание интерьера, в котором большую роль играет художественная деталь. Так, интерьер является, пожалуй, главным средством характеристики торговца Чарльза Томпсона. По-гоголевски выверенные детали в описании жилища американца указывают на его педантичность, любовь к «раз и навсегда принятому» порядку и размерности. Это и «чудесный будильник», и граммофон, заводившийся строго по воскресеньям, и рукописный календарь, в котором неизменно зачёркивались числа месяца, и «кипы американских газет и журналов» «годовой давности», которые Томпсон читал так, «как если бы он только что получил сегодняшнюю почту» [Там же, с. 86]. Даже о событиях прошедшего года, «опережающих» дату прочтения, он запрещал рассказывать заезжим морякам: «Жизнь должна идти по порядку, ровно, а не скачками» [Там же, с. 87]. Автор гротесково заостряет такую педантичность персонажа, приводя ещё одну символическую деталь: разрушивший ранним утром спокойствие Томпсона «луч света», который проник «сквозь чёрную суконную штору». Торговец сердито выговаривает за этот просчёт своей жене Рутьине, находящейся на положении прислуги, и читателю становится ясно: любовь Томпсона к «порядку» обусловлена его страхом перед переменами и новой жизнью, которые и символизирует нечаянно пробившийся из-за завесы свет.

Интерьер многое проясняет в восприятии торговцем своих домочадцев – представителей северного народа: «Всю свою семью мистер Томсон держал отдельно. Рядом с его комнатой, в холодных сенках, стоял меховой полог, где жили его жена и шестеро детей. Они жили по-чукотски, освещая и отопляя полог жирником, спали на оленьих шкурах, питались дешёвым мясом моржа и нерпы. Содержание семьи не вызывало больших расходов у мистера Томпсона» [Там же, с. 88]. Дважды повторяющееся ироничное обозначение «мистер Томпсон», эпитеты «холодные сенки», «дешёвое мясо», детали обустройства «жилища» жены и детей торговца сатирически подчёркивают его доведённое до абсурда брезгливое отношение к чукчам, пусть даже и членам своей семьи, его жестокосердие и поистине гиперболическую расчётливость. Перед нами эгоистичный и чёрствый человек, в душе которого не сохранилось ни одной привязанности, что подтверждается дальнейшим повествованием.

«Говорящим» является и интерьер дома другого американца – мистера Саймонса. Обстановка его жилища сродни характеру легковесного и ненадёжного человека, привыкшего, однако, к роскоши и удобству. С одной стороны, в его «комнатах было чисто, уютно и просторно. Всюду стояла новенькая удобная мебель» [Там же, с. 167]. С другой – стены его хрупкого дома были тонкими, непрочными, «в две дюймовые доски», обитые картоном и оклеенные обоями, что совершенно не соответствовало климатическим условиям Чукотки.

Примечательно, что интерьер в романе является средством характеристики не только отрицательных, но и положительных героев – представителей новой власти. Он резко контрастирует с описанием жилищ американцев, что подчёркивает аскетизм, выносливость, целеустремлённость Андрея Жукова и Никиты Лося. Если самобытные дома Томпсона и Саймона объединяет эгоистичная любовь к комфорту, то жилое помещение первого чукотского ревкома отличалась необыкновенной скромностью: оно состояло из двух кроватей, разъединённых «лишь тумбочкой». «В ревкоме было холодно. Уголь расходовался лишь на приготовление пищи» [Там же, с. 158]. Даже помыться в крохотном пятнадцатиметровом домике было почти невозможно, что обнаруживает сцена импровизированной «бани», однажды устроенной героями.

Контрастны по сравнению с описаниями отрицательных персонажей и портретные характеристики ревкомовцев, особенно Лося. Так, автор обращает особое внимание на «живые голубые глаза» [Там же] этого героя, светившиеся светом доброты и участия, открыто и выразительно передающие чувства, в отличие, например, от глаз Алитета и Саблера. «Ты заметил, как Лось говорил с Алитетом и как с тобой? Разные глаза делались у него» [Там же, с. 239], – отмечает Ярак в разговоре с Айе, подчёркивая добрые намерения ревкомовца. «Добрые глаза, как у оленя; не волчьи глаза» [Там же, с. 240], – так думает о Лосе старик Вааль. Используемый и в данном контексте приём зоологизации подчёркивает контраст между двумя лагерями в романе: благородное и доброе животное противопоставлено злобному хищнику. Так автор заостряет социальный конфликт произведения, предвосхищая показанную в дальнейшем повествовании книги острую борьбу за новую жизнь.

Однако следует заметить, что, несмотря на всяческие попытки «оживить» типы Жукова и Лося (в передаче их диалогов, размышлений, показе взаимоотношений с местными жителями и т.п.), их образы, и тем

более фигуры других представителей Советской власти, по уровню глубины, выразительности, многогранности значительно проигрывают отрицательным персонажам. В создании образов последних автор мастерски, виртуозно использовал и документальные источники, и литературную традицию, и художественный вымысел. Художественная выразительность таких фигур, как Алитет, Томпсон, Саймонс, обусловила творческий успех романа и явилась одним из показателей его поэтической самобытности.

Список литературы

1. Галкин Н. В земле полуночного солнца. М. – Л.: Мол. Гвардия, 1931. 228 с.
2. Зелинский К. Послесловие // Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы. М.: ИХЛ, 1965. 509 с.
3. Рытхэу Ю. С. Под сенью волшебной горы. Л.: Советский писатель, 1974. 328 с.
4. Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы: роман. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1984. 479 с.
5. Солоухин В. О Тихоне Сёмушкине и его книгах // Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы. М.: Молодая гвардия, 1966. 521 с.
6. Хакимов К. Конец Алитета // Полярная звезда (Певек). 1966. 27 ноября.
7. Шпрыгов Ю. М. Проза утреннего края: лит.-крит. очерки. Магадан: Кн. изд-во, 1985. 102 с.
8. Якимова Л. П. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 230 с.

**METHODS OF NEGATIVE CHARACTERS' IMAGES CREATION
IN THE NOVEL "ALITET GOES TO THE MOUNTAINS" BY T. Z. SEMUSHKIN**

Yurina Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Eastern State University in Magadan
frigg@maglan.ru

The article analyzes negative characters' images in the novel "Alitet Goes to the Mountains" by T. Z. Semushkin, the artistic originality of which has hardly been studied in contemporary literary criticism. The issue of Alitet's image prototypical character, and the ratio of realistic and romantic fundamentals in it is considered. For the first time in the analysis of the key negative figures of the work the significance of the literary tradition, plot and compositional elements, and the artistic detail is shown. The conclusion is made about artistic expressiveness of the negative characters' images of the novel that conditioned its poetic originality.

Key words and phrases: artistic structure; prototype; documentary source; figurative structure; negative type; zoologization technique; interior; antithesis.

УДК 82(091)

Филологические науки

В статье характеризуется тема воспитания в повести Т. З. Сёмушкина «Чукотка» как один из важнейших жанрообразующих элементов. Автор представляет особый взгляд на проблематику произведения, впервые в истории его изучения освещает роль традиций А. Макаренко в сюжетной структуре книги. Анализируется система образов повести, рассматривается нравственная эволюция основных героев. Особый акцент в анализе процесса духовного развития персонажей делается на проблеме взаимопроникновения палеоазиатской и европейской культур.

Ключевые слова и фразы: жанр; проблема воспитания; гуманистическая проблематика; эволюция персонажей; типические характеры; формирование личности.

Юрина Марина Анатольевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
frigg@maglan.ru

«ЧУКОТКА» Т. З. СЁМУШКИНА КАК «ПОВЕСТЬ ВОСПИТАНИЯ»

Повесть «Чукотка» (1936) занимает особое место в творческой биографии Т. З. Сёмушкина. Это – первое его крупное произведение, написанное с большой долей художественности и вместе с тем довольно правдиво, достоверно для достаточно жёстких цензурных условий 30-х годов XX века. Впервые оно было напечатано под названием «Моя Чукотка» в литературно-художественном альманахе «Год XIX» (1936). Впоследствии было доработано автором и неоднократно переиздавалось. Однако это произведение почти не было удостоено внимания исследователей, за исключением небольших обзоров и рецензий [1, с. 141; 3, с. 20-25; 6, с. 161-163]. Думается, что книга, достоверно отражающая освоение Чукотки в 30-х годах XX века, обладающая несомненными художественными достоинствами, требует более глубокого изучения.

Повесть Т. З. Сёмушкина «Чукотка» отличается самобытностью содержания. Его своеобразие проявляется в почти полном отсутствии традиционного для отечественной литературы 30-х годов XX века панегирического пафоса при оценке социалистических преобразований Севера. Более того, тематика повести посвящена не столько этим преобразованиям в широком, «героическом» смысле, сколько описанию кропотливого, порой рутинного процесса внедрения в привычную жизнь чукчей и эскимосов элементов цивилизации европейского типа, что уже было показано автором данной статьи в ряде работ [4; 5]. Писатель избегает элементов восхваления новой власти, акцентируя внимание читателя на процессе взаимного узнавания разных этносов, показывая уникальные судьбы и типические характеры, анализируя как поведение отдельной личности, так и образ